
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

УДК 316.334.4

ББК 60.561.4

DOI 10.22394/1682-2358-2018-6-87-96

A.A. Sheptalin, Candidate of Sciences (History), Docent of the Theory and History of State and Law Department, Udmurt State University

THE GENESIS OF THE INSTITUTION OF SUBJECTION IN THE SYSTEM OF SOCIAL POWER AND SOCIAL NORMATIVE REGULATION

An attempt to reconstruct the genesis of the institution of subjection in the system of social power and social normative regulation during the pre-state period is made. The author considers the scope of violent and nonviolent power implementation methods in complex as a subjection institution that consists of such influence methods as persuasion, motivation, compulsion and coercion. The main phases of the subjection institution genesis are substantiated based on three development stages of the primitive community.

Key words and word-combinations: power, subjection, management sociology, social normative regulation.

A.A. Шепталин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Удмуртского государственного университета (email: sheptalin@list.ru)

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА ПОДЧИНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И СОЦИОНОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Предпринята попытка реконструкции генезиса института подчинения в системе социальной власти и соционормативного регулирования в догосударственный период. Рассматривается совокупность насильственных и ненасильственных способов реализации власти в качестве института подчинения, состоящего из таких способов воздействия, как убеждение, побуждение, понуждение и принуждение. Систематизированы основные стадии генезиса института подчинения на трех этапах развития первобытной общины.

Ключевые слова и словосочетания: власть, подчинение, социология управления, соционормативное регулирование.

Коллизии взаимоотношений общества и института власти в их исторической ретроспективе традиционно находятся в центре исследовательского внимания, от-

личаются высокой степенью актуальности и обширной мультидисциплинарной историографией. Отход от марксистско-ленинской методологии в постсоветский период существенно катализировал дискуссии в науке теории и истории права и государства, что способствовало актуализации вопросов правопонимания, первичности и соотношения права и государства. В данной публикации попытаемся подвергнуть критическому анализу этатистско-позитивистский тезис, с 1938 г. насаждавшийся в советском правоведении, о том, что право санкционировано государством и гарантируется его принудительной силой [1, с. 83]. Сегодня, хотя и не в столь категоричной форме, бытует мнение, что «охрана государственным принуждением — специфический признак правовых норм...» [2, с. 59]. Сторонники подобных взглядов отводят государству решающую роль в возникновении права, так как оно формирует аппарат принуждения, без которого право не может быть эффективным регулятором общественных отношений и выполнять стоящие перед ним задачи [3, с. 30].

Представляется, что предвзятость позитивистов, традиционно отождествляющих понятия «право» и «законодательство», «принуждение» и «государственное / правовое принуждение», носит субъективный характер. Следует обратить внимание на данные юридической антропологии, которые свидетельствуют о наличии достаточно эффективного механизма подчинения, обеспечивающего следование нормативным требованиям еще в догосударственных социальных системах. Цель данной статьи состоит в попытке реконструкции генезиса и формирования института подчинения в системе социальной власти и соционормативного регулирования в догосударственный период. В качестве важнейших задач исследования можно определить обоснование института подчинения как основы социального регулирования и управления в первобытном обществе; выделение на этнографическом материале основных способов подчинения объекта волевым отношениям в первобытном обществе; выявление специфики эволюции способов подчинения на ранних этапах развития общины.

Институт подчинения в доклассовом обществе составляет междисциплинарный предмет изучения, находящийся на стыке интересов юриспруденции, юридической и политической антропологии, истории первобытного общества, политологии, социологии и философии. Историография вопроса столь обширна, столь и противоречива вследствие разного понимания авторами таких ключевых категорий, как право, власть, принуждение, социальная норма, нормативное регулирование, обычай, правовой обычай, обычное право и т.п.

По общему мнению большинства авторов, институт власти занимает центральное место в системе социального рекрутирования и регулирования. Несмотря на обилие подходов и мнений, классическим считается определение власти, данное еще в 1922 г. выдающимся немецким социологом, автором концепции власти, трактуемой как способность / возможность воздействия на поведение людей, М. Вебером: «Власть означает любую способность (Chance) реализации своей воли внутри данного социального отношения

даже вопреки противодействию, на чем бы эта возможность ни основывалась» [4, с. 28].

По данному определению, суть власти заключается в навязывании субъектом своей воли объекту, то есть подчинении объекта социального воздействия, даже несмотря на противодействие последнего. В специальной литературе для обозначения процесса навязывания воли субъекта объекту широкое распространение получил термин «принуждение», имеющий различные определения в зависимости от контекста. Однако в качестве элемента системы социальной власти и соционормативного регулирования принуждение чаще всего рассматривается как способ социального воздействия [5, с. 26], метод осуществления власти [6, с. 63], вид власти [7, с. 282], разновидность социального управления [8, с. 5–12].

Дискуссия об институте принуждения и его перспективах в советском праве развернулась в 1960-е годы в контексте ожидавшегося в Советском Союзе построения социализма и коммунизма [9]. Несмотря на давность практики использования терминов «принуждение» и «институт принуждения» применительно к процессу реализации социальной власти и соционормативному регулированию, необходимо признать, что они включают в себя лишь часть средств и методов воздействия. Наряду с принуждением у разных авторов фигурирует ряд иных категорий, наиболее частые: «убеждение», «побуждение», «понууждение» [5, с. 26], «авторитет», «манипуляция», «сила» и другие [7, с. 282].

Не вызывает особого обсуждения утверждение о том, что принуждение связано в первую очередь с угрозой физического либо психологического, включая идеологического, воздействия [10, с. 78]. По данной причине у большинства современных авторов принуждение напрямую ассоциируется с государством, обладающим соответствующим аппаратом насилия, а в предметно-объектной области их исследований фигурирует государственное [11] и государственно-правовое принуждение в тех или иных аспектах [12]. Вместе с тем, учитывая опыт использования иных методов, не связанных с угрозой применения насилия, следует признать, что собирательный термин «институт подчинения» лучше подходит для обозначения всей совокупности способов, методов и форм реализации власти в социальных отношениях и управлении, включая такие, как убеждение, побуждение, понуждения, принуждение.

При всей многовариантности процессов возникновения в различных частях ойкумены института публичной власти следует признать, что на раннем этапе эти процессы протекали в рамках относительно универсальной модели. Возникновение института власти и социального управления тесно связано прежде всего с первой формой функционирования собственно человеческого общества — родовой (кровнородственной) общиной и такой ее разновидностью, как раннеродовая община. Поскольку не все члены родовой общины принадлежали к одному роду, проблемы профилактики конфликтов приобрели в ней актуальность еще на самой ранней стадии социогенеза.

Острая дискуссия о корректности «эволюционного» метода Л.Г. Моргана, активно использовавшего этнографический материал при реконструкции социальных форм первобытности, имеет давнюю историю, но сегодня уже не так остра [13]. В свете научной концепции мультилинейного неэволюционизма очевидно, что в условиях отсутствия прямых источников именно этнографические сведения должны быть положены в основу комплексного метода с использованием всех косвенных данных, предлагаемых гуманитарными и естественноисторическими науками. В данном случае в качестве источников использованы этнографические материалы XIX — начала XX в. по синполитейным первобытным племенам, сохранившим многовековой образ жизни и не успевшим подвергнуться серьезному влиянию цивилизации.

В обширной этнографической и антропологической литературе содержится масса фактов по юридическому быту разных этносов, в том числе по вопросам преступления и наказания, принуждения и насилия и т.д. Однако в целом институт подчинения и его составляющие еще не становились предметом специального рассмотрения. Данное исследование является, по сути, первой в юридической антропологии пробной попыткой поэтапной реконструкции генезиса института подчинения в первобытном обществе на этнографическом материале по синполитейным первобытным обществам.

Использование комплексного подхода дает основания для утверждения тезиса о возможности выделения из животного мира человеческого общества — раннеродовой общины — благодаря появлению социального регулирования в форме экзогамии и простейших запретов. Возникли и развивались представления об основных правах и обязанностях, совокупность которых расширялась и усложнялась по мере социализации человека.

Вопреки распространенному заблуждению о неразвитости нормативного регулирования в первобытности наличие механизма подчинения было свойственно человеческому обществу, очевидно, уже на самых ранних этапах. Стадиально наиболее архаичным этносом, описанным европейскими путешественниками, были аборигены о. Тасмания. По сообщениям очевидцев, в военный период каждое племя имело вождя, обладавшего большой властью, вплоть до возможности лишения жизни любого члена племени [14, с. 32].

Миссионер М. Гусинде отмечал, что у племени селькнамов (уна) отсутствовали меры внешнего принуждения. Существующий порядок и общеобязательность определенных действий целиком выводится из религиозно-мифологических представлений, а «благоговение перед традицией», по его словам, обеспечивает самое сильное принуждение [15, с. 461]. Каждый общинник постоянно был в курсе правильности своего поведения, поскольку окружающие насмешками, увещаниями или окриками безжалостно указывали на любые его ошибки.

Основы нормативного поведения закладывались еще в период прохождения молодежью обряда инициации, который мог продолжаться много

месяцев. Из рассказов стариков, посредством убеждения молодые люди усваивали информацию о том, как божественные первопредки и герои прошлого поступали в различных сложных ситуациях, создав образцы поведения.

Одной из составляющих убеждения было предостережение от совершения асоциальных деяний, обусловленных многочисленными табу. Вероятно, тогда же начиналось и воздействие такого способа, как побуждение, поскольку возникала необходимость направить молодежь в русло действий, полезных общине. Известный исследователь аборигенов Австралии Ф. Роуз отмечал, что более половины мясной пищи на охоте добывали юноши в возрасте до шестнадцати лет, не прошедшие обрядов инициации, а также молодые неженатые мужчины [16, с. 134]. Очевидно, они были мотивированы на повышение своего статуса и авторитета для получения взамен определенных привилегий.

Во многих архаичных родовых обществах способы воздействия были достаточно корректными. Так, известный исследователь индейских племен Великих равнин Э.А. Хёбель писал, что у охотников команчей «вождь был магнитом в центре группы, но его влияние было настолько тонким, что оно почти не поддается явному описанию. Он действовал через наставления, советы и добродушный юмор, выражая свою мудрость через тщательно подобранные слова и убедительный здравый смысл» [17, р. 132].

Первый деликт прощался легче, но рецидив, как и серьезное первичное нарушение, неминуемо влекли наказание. Например, у селькнамов вместо насилия община просто разрушала репутацию девианта, избегая контактов с ним, таким же образом поступали и андаманцы [14, с. 89]. У австралийских аборигенов встречались более жесткие санкции, вследствие чего девианты даже перебегали в соседние племена, чтобы получить убежище и избежать наказания [14, с. 74].

У селькнамов обиды и нарушения не прощались, лишь родичи могли рассчитывать на снисхождение. Оскорбления часто заканчивались убийством. Пострадавший мог публично оскорблять и показывать пальцем на обманщика и вора. Родственники жены жестко, не церемонясь, ставили на место грубого мужа. Обманутый супруг получал право на публичное оскорбление и рукоприкладство. Позором считалось не только быть уличенным в неблагоприятном поступке, но даже быть заподозренным [15, с. 462].

Таким образом, уже с периода ранней первобытности каждый индивид с детства посредством убеждения приобщался к нормативным ценностям и испытывал побуждение со стороны общины, управлявшейся на принципах народовластия и коллективной воли, к «правильному» поведению в соответствии с обычаями предков. Только так он мог год от года укреплять свой авторитет, что в конечном итоге гарантировало его определенный социальный успех, по крайней мере, создавало для него прочный фундамент.

На этапе развитого первобытного общества (позднеродовой общины), характеризующегося переходом к высокоспециализированному присваивающему или раннему производящему хозяйству, существенно возросла степень

регламентированности поведения и контроля со стороны вождей и старейшин. Б.К. Малиновский отметил даже своего рода «гипертрофию закона» [18, с. 216]. В связи с усложнением верований возникла масса новых табу. Каждый индивид был мотивирован на соответствие обычаям предков, поскольку изгнание, например у папуасов о. Новая Гвинея, неминуемо вело к гибели, в том числе и от соседей-каннибалов [19, с. 58].

Разросшаяся община стала многогородовой, а потому более сложно управляемой. К способам подчинения в этот период добавились принуждение и насилие. Принуждение было институтом эффективным, но конфликтогенным, а потому использовалось лишь в крайних случаях, как и прямое насилие. Известно, что эскимосы применяли принуждение в отношении рецидивистов, как и некоторые племена папуасов, практиковавшие межобщинный обмен злостными нарушителями, которых в качестве первой жертвы казнили подростки [19, с. 63]. У индейцев омаха совет племени после предупреждения мог принять решение об убийстве неисправимого девианта [20, р. 416].

При изучении этнографического материала невольно возникает мысль, что поведенческие нормы и обычаи целенаправленно усложнялись, чтобы член общины всегда находился на грани фолы — так им было легче управлять. Например, у арапешей Новой Гвинеи девиантные проявления были настолько редкими, что общественное порицание стало распространяться даже на случаи, когда об антиобщественном поведении вообще не могло быть речи, например за ранение, полученное на охоте. В таком и подобных случаях пострадавший порицался за беспечность, жертва оскорбления — за глупость, жертва насилия — за непредусмотрительность, пострадавший в столкновении — за пролитую семейную кровь (пусть даже и его собственную!) [19, с. 249].

В рассматриваемый период позднеродовой общины изменилась роль экономического понуждения в системе подчинения, поскольку к нарушителям все чаще стали применяться имущественные санкции. Даже незначительное асоциальное деяние обрело материальный эквивалент. Общинникам пришлось стать предусмотрительнее в своем поведении, чтобы не оказаться в положении, выход из которого мог обойтись достаточно дорого [19, с. 269].

В усложнившейся позднеродовой общине получил распространение институт кровной мести, регулировавший отношения между родами и субкланами. Убийство человека воспринималось как оскорбление всего рода, а объектом мести мог стать не только убийца, но и его родственник, что вело к затяжным конфликтам. Угроза кровной мести была сдерживающим фактором и важным элементом системы принуждения в позднеродовой общине.

На этапе позднепервобытного общества (гетерогенной общины) произошли существенные социально-экономические и культурные изменения, приведшие к распаду родового строя. Институционализация семейной собственности, имущественная и социальная дифференциация, усложнение межплеменных

связей, отделение ремесла и ряд других факторов усложнили общую картину соционормативного регулирования.

Ослабление родовых связей, включая такой способ воздействия, как убеждение, способствовало перераспределению ролей в пользу других способов, в частности, побуждения. Развитие производящего хозяйства, материального производства и товарообмена вели к усилению частнособственнических интересов, формированию в обществе комплекса взаимных обязательств. По мнению Б.К. Малиновского, эти обязательства выливались в цепь сделок и взаимных услуг, каждая из которых должна была через определенное время вознаграждаться. Особую роль стали играть публичность и церемониальность сделок и договоренностей, что укрепляло порядок, силу «закона», в обществе меланезийцев [18, с. 228–229]. Тот же принцип можно видеть в религиозных обрядах, в которых большинство актов выступают в качестве взаимного обязательства между группами и индивидами, с обязательной платой или ответной услугой, что закреплено обычаем. Меланезийцы, по сути, понимали любой религиозный акт как моральную обязанность по отношению к духам, призракам или предметам поклонения [18, с. 233–234].

Сила взаимных обязательств была столь велика, что даже племенные вожди, наделенные большой властью и полномочиями, были заложниками многочисленных формальностей. Так, у меланезийцев вождь, возжелавший «объявить войну, организовать экспедицию или устроить праздничное торжество, должен выступить с формальным воззванием, публично огласить свою волю, посоветоваться со старейшинами, принять в соответствии с ритуалом подношения, услуги и помощь своих подданных и, наконец, вознаградить их за все это по определенной таксе» [18, с. 235]. Система подчинения работала настолько эффективно, что девиант выглядел «смешным, неловким и неотесанным» не только в чужих, но и в собственных глазах [18, с. 238]. У африканских племен, где статус вора был не столь позорным, как у индейцев Америки или меланезийцев, общество вводило дополнительные запретительные мотивы — в дополнение к всеобщему порицанию вор должен был вернуть пострадавшему двойной размер украденного [21, с. 246].

В позднепервобытном обществе на новый уровень развития вышел институт принуждения как крайний и наиболее эффективный способ влияния. Например, нарушение экзогамии влекло такое психологическое воздействие со стороны общества, что это часто заканчивалось самоубийством [18, с. 251]. Одним из вариантов психологического воздействия была магическая практика, когда колдун, заручившись общественной поддержкой, за вознаграждение вставал на сторону пострадавшего и насылал на виновного злые чары и порчу. По замечанию Б.К. Малиновского, «в таких случаях жертва, узнав, что чародей действует против нее, может также отступить, возместить ущерб или полюбовно завершить дело. Таким образом, черная магия обычно действует как реальная сила закона, ибо используется для выполнения правил племенного закона, препятствует насилию и восстанавливает равновесие» [18, с. 255–256].

По мере ослабления родовых связей подчинять волю общинников прежними средствами было все сложнее. Нередко эти средства становились более жесткими. Так, у многих племен обряд инициации юношей обрел довольно кровавые формы, чтобы боль и страх сохранились в сознании на всю жизнь, напоминая о возможных последствиях своеволия. Психологическое и физическое принуждение, таким образом, распространилось на все возрастные категории. В этом контексте примечателен пример, приведенный М. Мид, как индейцы племени зуньи, избегая открытых ссор со своими детьми, проявляя внешнюю снисходительность и миролюбие, втайне приглашали танцоров в страшных масках прийти к ним в дом и побить ослушников [19, с. 333].

В гетерогенной общине стали широко практиковаться угроза и применение физического воздействия [20]. Лишение жизни могло последовать за преступление против общества или вождя: за любое нарушение этикета, церемониала, прелюбодеяние с какой-то из его жен, кражу его личной собственности или любую личную обиду [18, с. 259]. У ифугао Филиппин возмездие посредством убийства было обычным способом удовлетворения пострадавшей стороны в случае убийства, колдовства, прелюбодеяния, отказа платить компенсацию за причиненный ущерб и упорный, сознательный отказ от уплаты долга, когда есть возможность заплатить [17, с. 249].

Вопреки встречающемуся в литературе мнению об отсутствии аппарата принуждения в первобытном обществе следует отметить, что во многих потестарных обществах на стадии распада родовой общины такой аппарат существовал [21]. Например, у ирокезов осужденные советом племени на смертную казнь или физическое наказание передавались палачам, которые либо выбирались из добровольцев, либо специально назначались [22, с. 175]. Подобные примеры можно привести по Африке, Океании, Сибири и т.д. Конечно, так было не везде. Например, вследствие специфики трайбализма подобного рода структуры не сложились у ряда этносов Экваториальной Африки, что показал один из основоположников юридической антропологии Э.Э. Эванс-Притчард на примере нуэров, вожди которых так и не смогли усилить свою власть, оставшись лишь посредниками в межклановых конфликтах [23, с. 154–155].

Важную роль в системе принуждения играла угроза изгнания [18, с. 265–266]. По свидетельству М. Мид, глубоко изучившей жизнь аборигенов, на о. Бали пару, уличенную в инцесте, изгоняли в страну наказания, «где царят только боги смерти» [19, с. 308]. Безусловно, изгнание является уже не угрозой, а жесткой санкцией и формой насилия, но яркие прецеденты негативных санкций в отношении девиантов играли важную роль в повышении эффективности принуждения.

Институт кровной мести в рассматриваемый период достиг своего апогея, получив широкое распространение. Вместе с тем социально-экономические тенденции эпохи стимулировали появление примирительной практики выплаты компенсации. У членов рода не было интереса втягиваться в кровопролитный конфликт, и они оказывали влияние на семью убитого, чтобы

те приняли «плату за кровь», что освобождало род от обязанности мщения. Известны случаи, например, у оленных чукчей, когда родственники превентивно убивали задиристого члена клана, опасаясь, что придется вести «вражду кровомщения», если это сделает чужак [24, с. 180]. По словам Б.К. Малиновского, кажущаяся монолитность рода сочеталась с далеко идущей дифференциацией, со строгим соблюдением индивидуальных интересов и «...с типично коммерческим духом, не свободным от подозрительности, зависти и обмана» [18, с. 271–272].

Благодаря наличию репрезентативного этнографического материала представляется возможным сделать вывод, что система подчинения в позднервовыбитном обществе достигла такого уровня, который позволил авторитетному специалисту в области юридической антропологии Н. Рулану утверждать, что «...уголовная система существует уже в традиционных обществах и что наказание не обязательно связано с наличием государственного аппарата» [25, с. 181].

Как видим, институт власти и управления в первобытном обществе формировался на основе не столько принуждения, сколько системы подчинения, включавшей в себя как насильственные, так и ненасильственные способы навязывания воли субъекта объекту: убеждение, побуждение, понуждение, принуждение. Все они возникли на самом раннем этапе развития человеческого общества, развивались параллельно, на разных этапах играя то большую, то меньшую роль, в зависимости от социально-экономических изменений. В связи с этим необходимо отметить дискуссионность феномена насилия (силы), которое рядом исследователей рассматривается как еще один самостоятельный способ подчинения и осуществления власти [7, с. 282–285].

Действительно, прямое применение насилия выходит за рамки принуждения, которое подразумевает лишь угрозу применения силы. По справедливым оценкам некоторых авторов, отождествление применения насилия и угрозы насилия фактически принижает роль принуждения [26, р. 26–27]. Ввиду различия авторских подходов и определений подобная точка зрения имеет право на существование, как и широко распространенная в литературе практика отождествления насилия с институтом принуждения (социального или государственного) [27, с. 21].

Таким образом, генезис системы института подчинения в условиях постестарной организации общества обуславливает по мере трансформации субъекта волевых отношений в ходе трех рассмотренных этапов постепенную концентрацию власти в руках авторитетных индивидов (шаманов, вождей, старейшин и др.). Вслед за исследователем потестарного общества Л.Е. Куббелем правомерно было бы сформулировать определение потестарной власти в качестве власти коллектива, реализуемой «...через авторитет индивида, выполняющего функции лидера в данной конкретной ситуации» [10, с. 116].

У многих этносов потестарная власть достаточно эффективно регулировала общественные отношения, поддерживала порядок и стабильность, предуп-

реждала и разрешала конфликты, содействовала достижению общественного согласия задолго до появления институтов государства и позитивного права. Результаты анализа генезиса института подчинения демонстрируют высокий потенциал ненасильственных методов воздействия, которые при определенных условиях пригодны к более эффективному применению в системе социальной власти и соционормативного регулирования на современном этапе.

Библиографический список

1. *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949.
2. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002.
3. *Егоров В.С.* Общее понятие правового принуждения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8 (13). С. 29–35.
4. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriß der verstehenden Soziologie. Besorgt von Johannes Winkelmann. – 5., rev. Aufl., Studienausg., Tübingen: Mohr, 1980.
5. *Черных Е.Н., Венгеров А.Б.* Структура нормативной системы в древних обществах (методологический аспект) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 23–37.
6. *Кейзеров Н.М.* Власть и авторитет: критика буржуазных теорий. М., 1973.
7. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
8. *Колотуша В.В.* Смысловые границы понятия силового принуждения // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2008. № 4.
9. *Ардашкин В.Д.* О подчинении и принуждении в советском государственном управлении // Вопросы советского государства и права. Томск, 1966. Т. 183. С. 246–252.
10. *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
11. *Каплунов А.И.* Об основных чертах и понятиях государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.
12. *Чашиков В.А.* Государственно-правовое принуждение: общетеоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
13. *Шепталин А.А.* О применимости этнологических материалов при реконструкции генезиса права и государства // Вестник Удмуртского университета. Сер. 2: Экономика и право. 2016. Вып. 2. С. 137–143.
14. *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
15. *Gusinde M.* Die Feuerland-Indianer // Die Selk'nam. Müdliing bei. Wien, 1931.
16. *Роуз Ф.* Аборигены Австралии. Традиционное общество / пер. с англ. М., 1989.
17. *Hoebel E.A.* The Law of Primitive Man: A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge: Harvard University Press, 1954.
18. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры / пер. с англ. М., 2004.
19. *Мид М.* Культура и мир детства // Избранные произведения / пер. с англ. М., 1988.
20. *Lowie R.H.* Primitive Society. New York, 1920.
21. *Рэдклиф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе / пер. с англ. М., 2001.
22. *Морган Л.Г.* Лига ходеносауни, или ирокезов / пер. с англ. М., 1983.
23. *Эванс-Причард Э.Э.* Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов / пер. с англ. М., 1985.
24. *Богораз В.Г.* Чукчи: в 2 ч. / авториз. пер. с англ. Л., 1934. Ч. 1.
25. *Рулан Н.* Юридическая антропология. М., 1999.
26. *Wrong D.H.* Power: Its Forms, Bases and Uses. Oxford: Basil Blackwell, 1988.
27. *Киреев Г.Н.* Сущность насилия. М., 1990.